

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
BLACK SEA PEACEBUILDING NETWORK
РОССИЙСКАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА
ДОКЛАД № 2010/1

«ЧЕРКЕССКИЙ ФАКТОР» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

ДОКЛАДЧИКИ:

АЛЕКСАНДР СКАКОВ, ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НИКОЛАЙ СИЛАЕВ, ЦЕНТР ПРОБЛЕМ КАВКАЗА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Под «черкесским фактором» обычно понимают влияние этнической солидарности черкесских (абхазо-адыгских) народов, имеющих свою государственность в составе Российской Федерации, а также крупных черкесских диаспор (Турция, Иордания, Израиль, Ливан, Египет) на политические, социальные и культурные процессы как в Кавказском регионе, так и в странах компактного проживания черкесов. В начале 1990-х годов роль центров консолидации черкесов попытались взять организации, которые уже длительное время существовали в Турции и других государствах, а также новые ассоциации, созданные в России.

После грузино-абхазской войны 1992-1993 годов, в которой в том числе и в силу этнического родства с абхазами приняли активное участие волонтеры из черкесских республик Северного Кавказа, складывалось впечатление, что отныне консолидация черкесских народов вышла на новый уровень, который превратит национальное движение черкесов в нового политического актора на Кавказе. Однако этого не произошло. Несмотря на многократные попытки создания единого центра по руководству национальным движением черкесов, они не дали результата. В настоящее время функционирует несколько ассоциаций и центров, претендующих на представительство интересов черкесского этноса. Деятельность некоторых из них имеет культурно-просветительную направленность. Другие пытаются заниматься политикой, нередко выступая на стороне интересов различных государств. Так, некоторые черкесские организации Турции поддерживали Россию в ходе августовской войны с Грузией 2008 года, другие, поддерживаемые Грузией, заявляют о намерении на уровне международной политики поставить вопрос об ответственности России за геноцид черкесов, осуществленный Российской империей в середине и второй половине XIX века.

Тем не менее влияние черкесского фактора систематически недооценивается российскими властями, да и международным экспертным сообществом, в части его воздействия, во-

первых, на политику в отношении Абхазии, а во-вторых – на ситуацию на Северном Кавказе. В незаслуженной тени остается тот факт, что в силу наличия обширной и влиятельной абхазской диаспоры в Турции эта страна была и остается важнейшим внешним партнером Абхазии наряду с Россией – причем так было и до признания Абхазии Россией, и, видимо, будет и впредь. В данном случае «горизонтальные связи» Абхазии с диаспорой могут быть важнее, чем официальная позиция Анкары относительно дальнейшей политической судьбы Сухуми. Черкесский фактор отражается и на попытках властей Абхазии найти способы преодоления демографической проблемы сокращения собственно абхазской части населения республики – в частности, путем репатриации абазин из стран Ближнего Востока и из России.

Причины неудач попыток консолидации национального движения черкесских народов, различны. Что касается зарубежной диаспоры, то здесь сдерживающее влияние оказывают процессы ассимиляции, которые усиливаются по мере урбанизации. В национальных республиках Российской Федерации с черкесской этнической компонентой разворачиваются более сложные и многоплановые процессы. Так, за последние два десятилетия на Северном Кавказе повсеместное распространение получили те же негативные явления, что и в остальной России: приватизация бюджетной ренты местными элитами, полная бесконтрольность и тотальная коррумпированность чиновников и превращение судебной власти в инструмент обслуживания высших классов. В условиях усиливающихся социальных разрывов внутри местных этносов роль выразителя интересов социально незащищенных общественных слоев стали брать на себя радикальные исламские организации, действующие на наднациональной основе. Этнические объединения оказались отодвинутыми на второй план местной политической жизни. В то же время фактор этнической консолидации по мере необходимости активно используется местными элитами как для получения дополнительных субсидий из федерального центра, так и для блокирования тех его политических инициатив, которые являются для них нежелательными. Так, в 2006 году, когда федеральная власть в рамках кампании по укрупнению субъектов федерации выдвинула проект объединения Адыгеи с Краснодарским краем, местная элита в Майкопе эффективно разыграла карту нарушения прав адыгейцев, хотя за акциями протеста не было серьезных ресурсов. Однако подобная тактика имела успех, и федеральные власти, опасаясь получить еще один конфликт на Кавказе, пошли на попятную. Политическая роль этнического фактора неодинакова в разных республиках с черкесской компонентой, что объясняется разнообразием местных условий. Так, в Кабардино-Балкарии, где кабардинская элита практически безраздельно доминирует, черкесский фактор направлен на сохранение целостности этой республики. В Карачаево-Черкесии, где черкесы в меньшинстве, их этническая консолидация, напротив, нацелена на обособление и создание собственной республики.

Судьба «двусоставных» субъектов РФ с черкесским участием (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) на наших глазах оказывается во все большей зависимости от черкесского фактора. В КБР кабардинцы (черкесы) составляют большинство и политически доминируют, а в КЧР черкесы вместе с абазинами являются меньшинством. В обоих случаях оппонентом черкесов являются карачаевцы (КЧР) и балкарцы (КБР) – два близкородственных народа, до 1917 года известные под наименованием горных татар или горных тюрков, репрессированные и подвергнутые тотальной депортации при Сталине. Будучи доминирующим большинством в КЧР и меньшинством в КБР, карачаево-балкарцы выступают за разделение «двусоставных» субъектов и создание единого карачаево-балкарского региона. Два умозрительных конкурирующих этнонациональных проекта (условно Большой Черкесии и Большой Балкарии) усугубляются комплексом реальных (и трудноразрешимых) взаимных земельных и политических претензий этих двух этнических групп.

Этническая консолидация черкесских народов в границах отдельных административно-территориальных образований наряду с широким развитием радикального исламского движения может стать фактором мощной дестабилизации («войны всех против всех») в случае дальнейшего разложения нынешнего политического порядка на Северном Кавказе.

Важным обстоятельством политизации национального движения черкесских народов является проблема «геноцида черкесов» в Российской империи в середине и второй половине XIX века. Эта проблема имеет различное измерение. С одной стороны, она является фактором коллективной исторической памяти черкесских народов, принадлежности их к общей истории. С другой стороны, проблема многочисленных жертв, понесенных черкесами в ходе Кавказской войны с Россией в 20-е – 60-е годы XIX века и в ходе последующего переселения в Османскую империю, часто используется местными элитами черкесских республик для оказания давления на федеральные власти с целью получения от них очередных субсидий и субвенций. В то же время специалисты ставят под сомнение правомерность применения понятия «геноцид» применительно к политике Российской империи. Дело не только в том, что это понятие стало использоваться в международном праве только после Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками, но и в том, что царское правительство не ставило перед собой цель физического уничтожения черкесов. Более уместно сравнивать политику насильственного переселения черкесов в Османскую империю с этническими чистками и депортациями. В то же время простое отрицание геноцида черкесов не способствует межэтническому диалогу в регионе, а скорее усиливает у черкесских народов чувство несправедливости по отношению к ним. В настоящее время нет каких-либо государственных программ по ведению диалога по острым вопросам совместной истории. Среди возможных мер предлагается обособление профессиональной дискуссии историков по проблеме политики Российской империи в отношении черкесов в XIX веке с тем, чтобы затем выйти к общественному мнению, как России, так и черкесских республик, с некими общими предложениями. Другая идея состоит в том, чтобы пересмотреть нынешние региональные учебники по истории черкесских республик в сторону большей взвешенности и толерантности изложения.

Фактором обострения интереса к исторической проблематике у черкесских народов выступают и приближающиеся Зимние Олимпийские игры в Сочи. Уже сейчас часть черкесских организаций за рубежом России выступает против проведения соревнований в Красной поляне, которая как поселок возникла на месте последнего очага сопротивления черкесов во время Кавказской войны – аула Кбааде. Исторические споры вокруг Красной поляны способствовали росту противоречий между властями и национальными организациями черкесских республик, с одной стороны, и Абхазии – с другой. Каждая из сторон предъявляет свои «исторические» права на район Красной поляны. При этом некоторые черкесские эксперты говорят о совместной российско-абхазской позиции в пользу проведения соревнований в Красной поляне. Причина этих разногласий, однако, видится не только в традиционных спорах между черкесскими национальными движениями и абхазами, не отождествляющими себя полностью с черкесским этносом, но и в соображениях экономического характера. Проведение Олимпиады в Сочи сулит заметные прибыли Абхазии от приема туристов, поставок строительных материалов и др., в то время как элиты черкесских республик пока остаются не у дел. Наиболее существенной линией напряжения в преддверии Олимпиады-2014 является все же не противоречие между абхазами и адыгами по поводу принадлежности региона Сочи, а проблема взаимоотношений российских властей с черкесским/абхазо-адыгским сообществом в целом. Сама идея международного спортивного праздника в регионе Сочи противоречит трагической этнической памяти черкесов о событиях периода

окончания Большой Кавказской войны XIX века, на 150-летие которого как раз приходятся Игры. В непосредственной близости от Сочи существует регион так называемой Причерноморской Шапсугии, где историческое население (черкесское племя шапсугов) уже несколько десятилетий безуспешно добивается воссоздания этнического административного района. Еще один фактор напряжения между российскими властями и черкесами в преддверии Сочи – факт создания в 2010-м году Северо-Кавказского федерального округа, который административно отделил Адыгею (и Шапсугию) от остальных субъектов с черкесским участием (КБР и КЧР) и создал символическое препятствие для участия черкесов СКФО в мероприятиях, связанных с Олимпиадой. Наиболее вероятно, что, играя на болезненной для федерального центра теме обеспечения безопасности Олимпийских игр, элиты черкесских субъектов федерации (Адыгея, КБР) и общественные активисты черкесских движений (Адыгея, КЧР) постараются получить от Москвы дополнительные средства на сохранение стабильности в регионе.

Возможные пути решения проблем, связанных с черкесским фактором на Северном Кавказе, видятся в области скорейших реформ: полномасштабной земельной приватизации, реализации положений федерального законодательства о муниципалитетах и эффективного противодействия коррупции на уровне субъектов РФ. Эти преобразования позволили бы значительной массе населения вернуться к нормальному экономическому поведению, которое ныне невозможно, и автоматически существенно снизили бы болезненный интерес к драматическим вопросам этнической идентичности (вопросы геноцида, вопросы, связанные с регионом Сочи, вопросы взаимоотношений с иноэтничными соседями) и к радикальному исламу. Однако российское правительство не демонстрирует готовности к таким преобразованиям на Северном Кавказе и даже понимания их необходимости. Поэтому пока есть все основания полагать, что черкесский фактор может стать одним из существенных элементов дальнейшей дестабилизации обстановки на Северном Кавказе.

**УЧАСТНИКИ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ,
ПРИНИМАВШИЕ УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ ДОКЛАДА:**
АНДРЕЙ АРЕШИН (Фонд стратегической культуры)
Сэм ГРИН (Московский Центр Карнеги)
АЛЕКСАНДР КРЫЛОВ (Институт мировой экономики и
международных отношений)
РУСЛАН КУТАЕВ (НКО «КАВКАЗ»)
ДЕНИС СОКОЛОВ (Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара)
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ (Институт востоковедения РАН)
АНДРЕЙ РЯБОВ (Московский Центр Карнеги)
ИВАН СУХОВ (Газета «Время новостей»)
ОЛЬГА ВОРКУНОВА (Центр проблем мира и развития)
Алла ЯЗЬКОВА (Институт Европы РАН)